

А.В.Бобровников

Разворот к стратегии инновационного развития

Статья подготовлена на основе выступления на юбилейной конференции ИЛА РАН «Иbero-Америка и становление полицентрического мира». Процесс модернизации — извечная проблема стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) — рассматривается автором на примере двух стран-гигантов региона. Оцениваются объективные предпосылки разворота ведущих государств ЛАКБ к инновационной модели развития и препятствия на этом пути. При всей индивидуальности самого процесса восхождения каждой из стран подчеркивается особая роль региональных организаций по его поддержке.

Ключевые слова: модернизация, ассоциативная и диссоциативная модели, «созидательное разрушение», «креативная» экономика, «электронная Латинская Америка».

Без преувеличения можно сказать, что проблема модернизации — постоянный «фон» в развитии стран Латинской Америки. Они намного раньше других регионов так называемой «периферии» стали политически независимыми, и отсюда — их естественное желание выдвинуться на более передовые позиции в мировой экономике. Подобные попытки предпринимались неоднократно, хотя и не всегда удачно. Достаточно вспомнить не завершенные модернизации третьей четверти XIX в. (Чили, Перу) или первых десятилетий XX в. (Аргентина, Уругвай), а также весьма неоднозначное развитие Бразилии и Мексики во второй половине прошедшего столетия. Сегодня, как образно заметил известный перуанский экономист и политик Педро-Пабло Кучинский, Латинская Америка снова движется по «стратегическому пути модернизации»¹. Это и понятно, потому что именно в переходные эпохи, подобные нынешней, неравномерность развития усиливается, и новые игроки получают реальный шанс повысить свой рейтинг в мировой табели о рангах.

Оптимисты полагают, что странам Латинской Америки удалось воспользоваться открывшимся «окном возможностей». Специалисты инвести-

Александр Вячеславович Бобровников — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (v.teperman@ilaran.ru).

ционной компании «Goldman Sachs» уже десять лет обсуждают вероятное восхождение двух гигантов — Бразилии и Мексики. В последние десятилетия страны ЛАКБ быстрее других осваивают информационные технологии и Интернет. Более того, регион столь удачно вырвался из водоворота первого глобального кризиса 2007—2010 гг., что на Всемирном экономическом форуме явно возобладали оптимистические прогнозы: эксперты видят следующую декаду как «десятилетие инноваций в Латинской Америке»¹. Другие называют ее «десятилетием больших ожиданий» для региона.

Скептики возражают. Они говорят о том, что по доле в мировом ВВП Латинская Америка вернулась к уровню 1950 г., в годы бума начала нынешнего столетия темпы роста ее экономики оставались более чем скромными на общемировом фоне, а доля региона в международной торговле падала до начала 2000-х годов. И дают объяснение: десятилетие долгового кризиса 80-х нанесло региону столь сильный удар, что с тех пор он продолжает терять конкурентные позиции в мировой экономике. Именно об этом напомнили известные экономисты и политики, приглашенные пару лет назад на празднование 50-летнего юбилея Межамериканского банка развития².

ИННОВАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вместе с тем, оценивая перспективы инновационной траектории развития латиноамериканских стран, нужно учитывать, что сами условия модернизации постепенно меняются.

Во-первых, небывалое прежде воздействие оказывает процесс глобализации. Уже в XX в. экономика всех стран Латинской Америки явно зависела от поставок извне технологий, оборудования и притока капиталов. В условиях современного глобального разделения труда с разнесением производственных цепочек по разным странам национальное производство зачастую просто не в состоянии функционировать без связей с зарубежными партнерами. Это касается не только корпораций центров, но и «периферии». Например, третий в мире производитель цемента мексиканская «Сетех» осуществляет операции в 50 странах трех континентов, получая от этого 79% доходов, а крупнейший производитель железной руды и второй — никеля бразильская «Vale» ведет бизнес в 38 странах (85% доходов)³.

Во-вторых, меняется содержание конкурентных преимуществ стран. Для нарождающихся рынков, в частности в Латинской Америке, ориентация на сравнительные преимущества от относительно дешевого труда или дешевых природных ресурсов по модели Хекшера-Олина становится тупиковкой для их экономики. Постепенно уходит в прошлое сама классическая модель убывающей предельной полезности Альфреда Маршалла. На основе сопоставлений научомкости производства в отдельных странах известный российский специалист в области информационных технологий А.А.Дынкин пришел к выводу, что для инновационной экономики ключевым может стать закон повышающейся отдачи⁴. Иначе говоря, те, кто сумел выбиться вперед за счет повышенной отдачи от экономики знаний, так и остается впереди, бросая вызов проигравшим.

В-третьих, в переходные периоды особенно отчетливо проявляется нелинейность самого процесса инноваций, что доказали венесуэльская ис-

следовательница Карлота Перес совместно с английским коллегой Кристофером Фрименом⁵, а это дифференцирует пути развития конкретных стран. С одной стороны, существуют несомненные лидеры, вписавшиеся в базовую траекторию смены всей технико-экономической парадигмы эпохи. Такой была Великобритания времен индустриальной парадигмы, такими стали США в информационно-компьютерную эпоху. В связи с этим к модным сейчас рассуждениям о скором «закате США» следует относиться осторожно. Соединенные Штаты сделали такой технологический задел на будущее (закрепленный, кстати, правами интеллектуальной собственности), что он будет давать о себе знать на протяжении всего столетия. Лидеры обретают неоспоримые для своей эпохи преимущества, хотя вынуждены при этом двигаться по магистральной траектории развития и лишены свободы маневра. Положение такого лидера напоминает положение короля времен абсолютизма, совершенно свободного в своих действиях, но обычно делающего то, чего ждет от него двор.

С другой стороны, те страны, которые реализуют сдвиги в конкретных технологических системах, осуществляют радикальные и особенно улучшающие нововведения, обладают несопоставимо большей возможностью маневра, но и сталкиваются с большими рисками. Ныне бурно развиваются именно улучшающие нововведения с сильным национально-культурным компонентом и прежде всего в виде аутсорсинга. Этим путем однозначно пошла Индия, на него же выходит и Мексика. Достаточно сослаться на опыт формирования кластера предприятий Гвадалахары в сфере электроники.

Так, стоит ли Латинская Америка на пороге очередного витка модернизации?

То, что первый глобальный кризис сильнее ударили по экономике развитых стран, а не восходящих экономик, определялось целым рядом причин, но одной из центральных стало несовпадение у них фаз инновационного процесса. Несколько лет назад мне удалось показать, что экономики латиноамериканских государств как правило запаздывают относительно центров в траектории длинноволновой динамики⁶. Развитые страны очевидно уже прошли пик в развитии пятого технологического уклада. Об этом свидетельствуют, в частности, два кризиса на рынке NASDAQ, падение средних темпов роста электронной промышленности США с 7% в 90-е годы до 3,8% в 2000-е годы, а также сокращение вклада сегмента информационно-коммуникационной экономики (ИКЭ) в общий рост ВВП мира с 14,7% во второй половине 90-х годов до 11,2% в первой половине 2000-х⁷.

Латиноамериканские же страны находятся в самой активной фазе перехода к пятому микроэлектронному укладу. Этот поворот к пятой волне Кондратьева несколько раньше произошел в Чили, и неслучайно она первой в регионе приняла «стратегию цифрового развития» (1998 г.). В Бразилии и Мексике вступление в повышательную фазу пришлось на рубеж столетий, а начало практической реализации программ «электронная Мексика» и «Зеленая книга» об информационном обществе в Бразилии относились уже к следующему десятилетию.

Прежний опыт свидетельствует, что в условиях такого запаздывающего подъема начинается интенсивный перелив капитала и технологий из центров на периферию, что имело место и в данном случае. Так, в 2000-е годы чистый приток прямых иностранных инвестиций в Бразилию достиг 179 млрд

долл. и вырос почти вдвое по сравнению с предшествовавшим десятилетием, а в Мексику — 183 млрд и был в 2,2 раза выше прежнего. Причем в ходе кризиса Бразилия стала самой привлекательной сферой для вложения венчурного капитала. За один 2010 г. более 200 венчурных фондов вложили в ЛАКБ 7,2 млрд долл., или вдвое больше предшествующего года. И 76% этого капитала направлялось в Бразилию. За тот же период, скажем, вложения крупнейших фондов «Southern Cross» и «Advent International» в США сократились на 7%, а в Европе на 32%⁸. В Бразилии наблюдаются еще два характерных процесса. Во-первых, создателями венчурных фондов становятся бразильские специалисты и предприниматели, возвращающиеся на родину из США. Например, Марко де Мелло, который 20 лет работал на «Microsoft», создал фонд «Xangô», а Хулио Ваконселос, работавший в «Силиконовой долине», образовал «Peixe Urbano» совместно с калифорнийским фондом «Benchmark Capital» и одним из крупнейших бразильских венчурных фондов «Monashees Capital». Во-вторых, бразильские венчурные фонды, в частности, упомянутый «Monashees Capital» и базирующийся в том же Сан-Паулу «Intel Capital», а также некоторые смешанные фонды с участием американского капитала, расположенные в стране («Ideasnet»), начинают осуществлять вложения в другие латиноамериканские государства.

ДВА ВОСХОДЯЩИХ ГИГАНТА — ДВЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

Понятно, что два гиганта во многом определяют всю латиноамериканскую траекторию перехода к инновационной модели развития, хотя они уступают Чили, Уругваю и Колумбии по показателям готовности войти в информационно-сетевое общество (Networked Readiness Index) или Аргентине, Уругваю и Чили по индексу развития информационных технологий (ICT Development Index)⁹. У Бразилии и Мексики вместе с Коста-Рикой на средне- и высокотехнологичные товары приходится от 35 до 65% экспорта. В Чили, Перу и Уругвае эта доля не превышает 20%, а в Боливии, Венесуэле, Эквадоре — ниже 10%¹⁰. Но если в Мексике и Коста-Рике речь прежде всего идет о продукции сборочного производства, расположенного в зонах свободной торговли, то Бразилия все больше опирается на собственный научно-технологический комплекс. Поэтому в нашем исследовании с В.М.Давыдовым мы и говорили о существовании двух моделей модернизации, условно названных ассоциативной и диссоциативной¹¹. К сходному выводу пришел и наш коллега В.А.Красильщиков. Он говорит об органичной эндогенной и неорганичной экзогенной модернизациях¹².

Успехи латиноамериканских гигантов в деле освоения информационных технологий несомненны. Поскольку эта тема недавно обсуждалась на страницах журнала¹³, подчеркну только, что Бразилия явно лидирует в регионе не только по автоматизации банковских операций, но и по развитию электронной торговли и коммуникаций, в частности, в сегментах «бизнес — бизнесу» (B2B) и «с компьютера на компьютер» (M2M). Мексика опережает большинство стран по уровню развития телекоммуникационной инфраструктуры и Интернет-услуг, активно реализует программу «Прософт» (Prosoft) с целью приблизиться к Индии по размерам экспорта программного обеспече-

ния. В обеих странах развиваются производственные кластеры, закладывается база инновационной экономики в виде сотен инкубаторов предприятий и десятков технопарков, осуществляются проекты создания «цифрового города». Наконец, и правительство Инасио Лулы да Силвы, и администрация Фелипе Кальдерона очень серьезно подошли к развитию стратегического прогнозирования¹⁴ и разработке долгосрочных программ модернизации до 2020—2030 гг.: Бразилия в сфере альтернативной энергетики, Мексика — в развитии *software*.

Ясно, что в латиноамериканских странах речь идет об адаптационном формате развития, как его не называй: «экономика обучения» (*economía de aprendizaje*) или «экономика адсорбции» (*economía de absorbcencia*). Поэтому в ходе реализации и ассоциативной, и диссоциативной моделей возникают общие проблемы. Это и сравнительно низкий платежеспособный спрос на Интернет-услуги из-за сохраняющегося разрыва в уровне доходов. И небольшие расходы на НИР, которые даже у лидера — Бразилии едва превышают 1% от ВВП и втрое ниже нормы, установленной в 2010 г. Лиссабонской стратегией. И очень небольшое число национальных патентов, а соответственно — незначительные доходы по ним по сравнению, скажем, с Южной Кореей. И ограниченные возможности малых предприятий интегрироваться в сетевую информационную экономику без помощи государства.

Прав оказался В.М.Давыдов, который давно говорит о том, что траектория восхождения каждой страны глубоко индивидуальна, что определяется во многом историческими корнями, национальной социоэкономической и культурной матрицей¹⁵. В чем же принципиальное отличие между бразильской и мексиканской матрицами в стратегии модернизации?

Мексика находится ближе любой другой страны к центру «глобальной экономики». Но те, кто глубже интегрирован в глобальные структуры, как Мексика, подвергаются и большему риску. Это наглядно продемонстрировал последний кризис, когда ее ВВП упал на рекордные 7,1% в 2008 г. Ввиду «близости» мирового лидера и участия в NAFTA новые технологии проще проникают в Мексику, например, в ее северную зону, но всегда в виде слабо взаимосвязанных фрагментов.

Бразильскому государству, наоборот, приходится прилагать большие усилия, чтобы добить новые технологии, прибегая к помощи партнеров, например, Германии (на начальном этапе освоения ядерных технологий в 70-е годы¹⁶) или в современных условиях Китая и России (космические программы). Но в итоге Бразилия обладает аэрокосмическим комплексом (включая собственный космодром), полным циклом гражданского ядерного производства, развитыми био- и нанотехнологиями, и, таким образом, вполне соответствует технологическому уровню стран BRICS.

У двух стран различается и институциональная основа обновления. В Мексике особую активность на внешних рынках информатики проявляет частный сектор, и в первую очередь телекоммуникационная империя богатейшего в мире предпринимателя Карлоса Слима. Достаточно сказать, что две входящие в нее компании «América Móvil» и «Carso Global Telecom» возглавляют список мексиканских фирм среди 2000 глобальных корпораций по версии «Forbes», занимая соответственно 131 и 309 место в мире. И упомянутая «América Móvil» совместно с североамериканскими провайде-

рами стремится установить контроль над телекоммуникационными рынками не только Центральной, но и Южной Америки.

С 2003 г. Бразилия стала «ключевой фигурой» в трансатлантическом проекте «Латинская Америка, соединенная с Европой» (ALICE). Бразильское государство оказывает поддержку формированию киберпространства, постепенно охватывающего территорию от Чили до Мексики. Налаживающиеся контакты между Европой и Латинской Америкой в сфере информатики использует и ЭКЛАК для продвижения в регион новых технологий и реализации своей стратегии «социального включения». При этом комиссия опирается на программу «Альянс для информационного общества 2» (Alianza para la Sociedad de la Información 2, @LIS 2), объединяющую научные, исследовательские и университетские учреждения Евросоюза¹⁷.

Следствием специфики процесса модернизации становится разный круг ключевых проблем, стоящих перед каждой из стран. Для относительно закрытой бразильской экономики — это прежде всего расширение своей ниши на внешних рынках, ведь доля экспорта в ВВП у нее примерно 11%, тогда как в среднем по ЛАКБ — 25,5%¹⁸. Для Мексики, которая в технологической иерархии Организации экономического сотрудничества и развития оказывается в самом низу списка, — это создание собственного научно-технологического комплекса.

КУДА ИДЕМ? БОЛЬШОЙ, БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ...

Когда речь заходит о технологическом рывке восходящих экономик, развитые государства, не отрицая такой возможности, предпочитают видеть его как сокращение цифровой бреши (*digital gap* или *brecha digital*). Однако, с нашей точки зрения, в силу упомянутого «закона повышающейся отдачи» эффективная стратегия не может ориентироваться только на догоняющее развитие. Чтобы фатально не отстать, приходится иметь в виду перспективу опережающего развития.

Такая постановка вопроса нередко вызывает возражения. Давно разрабатывающий эту проблему В.Л.Иноземцев констатирует: «Экономическая модернизация в XXI в. может вывести отсталую индустриальную страну или сырьевую державу только на стартовые позиции для «постиндустриального перехода», но не более того. Маловероятно, что Россия или любая иная страна может совершить технологический прорыв, который поставит ее вровень с нынешними лидерами или даже позволит обогнать их»¹⁹.

На этот тезис, ставящий под сомнение саму идею «восхождения», можно привести по меньшей мере три контраргумента. По опыту прошлого: в рамках общей технико-экономической парадигмы возможен мощный сдвиг (типа «второй промышленной революции»). Ведь США вырвались вперед в XX в. не из-за накопления золотого запаса, а ввиду перехода от парового двигателя к двигателю внутреннего сгорания. И у компьютерных технологий сохраняется перспектива перехода на новую оптико-волоконную основу, а то и биочип (видимо на горизонте 40—50-х годов текущего века). Соответственно остается возможность прорыва новых лидеров. По современному опыту: в каждом большом экономическом цикле есть период «сброса» технологий на периферию. И каждый раз общий разрыв между ней и центрами несколько сокращается. Иначе просто не объяснить, почему

ЛАКБ выглядит как часть вполне современного мира. В проекции на будущее: информационно-сервисная экономика качественно отличается от индустриальной. В последней «предприниматель-имитатор», согласно теории Йозефа Шумпетера, воспроизводил в основных чертах базовую модель производства. В новой экономике неизмеримо повышается творческий компонент, роль, что называется, инноватора-«мутанта», расширяется сам формат инновационных решений.

Неслучайно в последние годы обретает популярность понятие «креативная экономика». Критерием ее выделения является наличие компонента интеллектуальной собственности. Зачастую ее отождествляют с «экономикой культуры», хотя это сужает понятие. К «креативной экономике» относятся до двух десятков крупных отраслей услуг: не только создание телесериалов, реклама и мода, но и все литературное, музыкальное и кинотворчество, архитектура и дизайн, разработка программного обеспечения и компьютерные игры, потребительская электроника, музейное и издательское дело и т.д. Потенциально — это гигантский рынок, хотя сейчас по размерам он не превышает 3% мировой торговли товарами и 4,8% — услугами²⁰. Из первого доклада ЮНКТАД на данную тему в 2008 г. можно сделать любопытный вывод: Мексика — единственная страна ЛАКБ, которая входит в список 20 ведущих экспортёров «креативных товаров». Причем, в отличие от Аргентины, Бразилии или Чили, она присутствует на большинстве рынков таких товаров, соперничая с Китаем, Индией и группой «азиатских тигров».

Но и это не все. В рамках «креативной экономики» есть пока совсем небольшой, но очень перспективный сегмент, который В.Л.Макаров и Г.Б.Клейнер назвали «когнитивной экономикой»²¹. Связано это с тем, что наука сейчас превращается из «движущей силы» в важнейшую составляющую часть производства.

Однако, можно ли вообще представить выдвижение латиноамериканской страны на передовые позиции в сфере «когнитивной экономики» при нынешней асимметричной системе распределения научно-технологического потенциала между центрами и периферией? Оказывается, можно! И даже не вспоминая опыта производства этанола, на 30 лет опередившего реальные потребности развития альтернативной энергетики. Реализация проекта «Бразильский геном» вывела Бразилию в десятку мировых лидеров по развитию биотехнологий. Как показали канадские исследователи Хорхе Ниози и Сьюзен Рейд в работе «Наукоемкие технологии как окно возможностей для менее развитых стран», опубликованной на страницах журнала «World Development» (2007), уже в первой половине прошедшего десятилетия по числу биотехнологических предприятий Бразилия (150) опережала Китай с Гонконгом (136) или Индию (96) и тем более Аргентину (35) или Мексику (27). Бразилия постепеннодвигается к уровню развитых стран (от 239 компаний во Франции до 387 в Японии), если не говорить о заметно ушедших вперед США (1457 фирм)²².

В рамках указанного проекта бразильские ученые, работавшие в сетевом формате, расшифровали ген бактерии, поражающей апельсиновые плантации. Их партнеры из Ассоциации производителей цитрусовых Сан-Паулу быстро нашли средство защиты от болезни, а результаты исследований были обнародованы через Интернет. В результате производители цит-

русовых не только в самой Бразилии, но и в Калифорнии (США) смогли резко сократить потери урожая. По-моему, это небольшой, но наглядный пример эффективности «когнитивной экономики». Другой бразильский проект «БИОТА», или «Виртуальный институт биоразнообразия» получил признание международного научного сообщества как образец такого рода программ для других стран²³. Не менее показателен опыт реализации в Мексике проекта многостороннего партнерства «Биотек без границ» для повышения конкурентоспособности промышленности по производству «жизненно необходимых товаров». Помимо таких сугубо утилитарных решений к когнитивной экономике несомненно нужно отнести и «экономику престижа», например, разработку бразильскими учеными и инженерами ракеты-носителя или оборудования для МКС. От этой сферы не стоит ожидать сиюминутных выгод, но она формирует задел на более отдаленное будущее. Ведь первая постиндустриальная эпоха — не конец развития, на смену ей, если верить выкладкам Б.Н.Кузька и Ю.В.Яковца²⁴, вскоре придут вторая и третья постиндустриальные «цивилизации».

Воздействие инновационной траектории развития не ограничивается только производственной сферой, она способствует изменению экономического пространства, формированию принципиально новых хозяйствственно-территориальных структур. Ведь одна из особенностей глобального разделения труда состоит в том, что оно расширяет возможности сотрудничества и кооперации на разном уровне — от крупных интеграционных блоков до небольших экономических районов или конкретных фирм. Уже упоминавшиеся кластеры предприятий успешно действуют во многих латиноамериканских странах²⁵. Сейчас все чаще пишут о другом феномене — архипелагах городов. И здесь у Латинской Америки тоже есть задел: такой архипелаг городов «Меркосьюдадес» (Mercociudades) начал складываться на юге континента в соответствии с Асунсьонской декларацией 1995 г. Если первоначально эта сеть включала всего 13 городских центров, то в настоящее время в нее входит более 200 городов, в том числе и столичные. Прямое стратегическое партнерство не только между корпорациями, биржевыми площадками, но и крупными городскими агломерациями — это символ сетевой экономики XXI в.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

В траектории инновационного развития латиноамериканские страны имеют еще одно несомненное преимущество. Очень индивидуальные матрицы восхождения могут, тем не менее, иметь сходные черты, и это создает условия для их кластеризации, объединения. Отсюда некоторое сходство проблем восхождения не только, скажем, в Южном конусе континента, но и в рамках всей латиноамериканской цивилизационной общности.

Несомненным, хотя может быть и косвенным, подтверждением этого является та особая роль, которую ЭКЛАК традиционно играла в разработке региональных стратегий развития. Еще в 80-е годы известный чилийский экономист Фернандо Файнзильбер провел доскональный анализ причин относительного отставания стран западной индустриализации в Латинской Америке от «азиатских тигров». И пришел к важнейшему выводу: для повышения конкурентоспособности необходимо перейти от получения

природной ренты к получению ренты интеллектуальной. Соображения Файнзильбера легли в то время в основу известной стратегии ЭКЛАК «Эффективной трансформации производства в условиях социальной справедливости». Специалисты упорно придерживаются ее вот уже на протяжении двух десятилетий, свидетельством чего стал их доклад в 2008 г., так и озаглавленный *«Transformación productiva con equidad 20 años después»*²⁶. В нем не только впервые была дана сравнительная оценка инновационного потенциала региона в сферах информатики, альтернативной энергетики, биотехнологий, но и обозначены основные ориентиры инновационной стратегии. Это лишний раз доказывает, что указанным экспертам по-прежнему свойственно опережающее видение пути развития региона. Почти десять лет назад они осознали, что неолиберальная стратегия сходит с арены и уходит в прошлое²⁷. В конце 2000-х годов начинают складываться представления о том, что стратегия ЭКЛАК 90-х годов тоже сыграла свою роль. Но назрела потребность ее существенного обновления в инновационном ракурсе, и шаги в данном направлении уже предпринимаются.

По завершению четырехлетнего всемирного форума по информационным технологиям в Женеве (2003) и Тунисе (2005) ЭКЛАК сделала особый акцент на реализации программ «электронной Латинской Америки» и приняла первый план региональных действий «эЛАК2007» (eLAC2007). Недавно появилась уже третья его версия «эЛАК2015» (eLAC2015) на предстоящие пять лет. Специалисты считают, что речь в данном случае идет о «втором поколении» стратегий перехода к информационному обществу.

Выступая на третьей конференции министров по информационному обществу в ЛАКБ (Лима, ноябрь 2010 г.), Исполнительный секретарь ЭКЛАК Алисия Барсена отметила, что движение к информационному обществу — это исторический шанс для ЛАКБ сократить разрыв с развитыми странами. Настало время обновить государственные стратегии. Государственная политика «цифрового включения» должна ориентироваться на три приоритетных направления: универсализация доступа к широкополосному Интернету для обеспечения экономического роста и равенства; использование ИКТ для повышения производительности труда и обновления производственного сектора; улучшение качества госуслуг за счет развития сайтов электронного правительства, а также электронного образования и здравоохранения. Результативность такой политики зависит от ряда факторов, в частности от согласованности действий на разных институциональных уровнях и между различными экономическими акторами, от успеха «социального включения», от развития электронных сетей, от продвижения по пути интеграции и сотрудничества, что повышает эффективность различных национальных инициатив²⁸.



Станет ли для мира начавшееся десятилетие латиноамериканским, покажет время, но необходимость разворота к стратегии модернизации подтверждается всей логикой развития в условиях глобализации. В 1980-е годы прежняя модель импортзамещения была сломана под воздействием деструктивных внешних импульсов с международных рынков и долгового тупика, в 1990-е годы разрушение изнутри продолжили политики неолибе-

ральной волны, в 2000-е годы правительства левого направления смогли нивелировать наиболее одиозные последствия приватизации и либерализации, прежде всего несколько сократив разрыв в уровнях доходов. В рамках всего этого цикла «созидательного разрушения» (опять же по Шумпетеру) именно в наступившие 2010-е годы конструктивная отдача от инновационных стратегий может, наконец, превысить деструктивные социальные издержки неолиберальной практики. Таким образом у латиноамериканских стран, и прежде всего у Бразилии и Мексики, появляется реальный шанс продвинуться по пути укрепления своих позиций в мировой экономике.

Естественно, этот процесс не начнется автоматически. Он не может быть запущен извне транснациональным бизнесом, хотя масштабный приток капитала в регион, особенно в венчурной форме, способен косвенно стимулировать технологическое обновление ЛАКБ. Ведущим латиноамериканским странам, если они хотят продвинуться в деле реальной модернизации, предстоит сделать выбор в пользу более «мобилизационной» модели развития экономики и прежде всего заметно увеличить норму инвестиций и долю государственных расходов, направляемых на инновационные проекты.

Вероятно, сходная траектория существует и у других нарождающихся рынков, в частности в экономическом пространстве Восточной Европы и СНГ, но здесь она запаздывает почти на десятилетие по сравнению с латиноамериканской. Ведь первый и самый сильный удар по прежней модели развития пришелся у них на 1990-е годы. Причем, если в странах ЛАКБ тяжелейшая трансформация была начата разрушительными импульсами извне, в восточной части Европы ситуация прямо противоположная: она была запущена внутренними импульсами. «Перестройка» в СССР явилась лишь подготовительным периодом и существенно не изменила ни хозяйственной модели, ни политической системы страны того времени. Но отмеченные расхождения между двумя регионами по форме перехода лишь подчеркивают все ту же «индивидуальность» траекторий развития и не меняют существа процесса — продвижения к информационно-сервисному обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ WEF. Network of Global Agenda Councils Reports 2010—2011: Latin America. The Innovation Imperative: a Vision for 2020. — www.gacreport.weforum.org/network-global-agenda-councils-2010-2011

² BID. Honoring the Past, Building the Future. Fifty Years of Development in Latin America and the Caribbean. Washington, 2009.

³ BCG Report. Companies on the Move: Rising Stars from Rapidly Developing Economies Are Reshaping Global Industries. Boston, 2011, p. 15.

⁴ См.: А.А.Дынкин. Экономика знаний в России и мире. — fp6.csrs.ru/news

⁵ C. Freeman, C. Pérez. Structural crises of adjustment, business cycles and investment behavior. — Technical Change and Economic Theory. G. Dosi, C. Freeman y otros (eds.). London, 1988.

⁶ А.В. Боровников. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М., 2004, с. 135—139.

⁷ CEPAL, SEGIB. Innovar para crecer. Desafíos y oportunidades para el desarrollo sostenible e inclusivo en Iberoamérica. Santiago de Chile, 2010, p. 45.

⁸ J. Santiso. Brasil destroza a China. — Infolatam, 12.V.2011. — www.infolatam.com

⁹ ITU. Measuring the Information Society, 2010. Geneva, 2010, p. 10; WEF. The Global Information Technology Report 2009—2010. Geneva, 2010, p. XVII.

¹⁰ CEPAL, SEGIB. Innovar para crecer. Op. cit., p. 25.

¹¹ В.М. Да ви до в, А.В. Б о б р о в и к о в. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009, с. 102—103.

¹² См.: В.А. К р а с и л ь щ и к о в. Зарубежный опыт и уроки для России. — Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей. М., 2009, с. 89.

¹³ См.: О.В. Ж е л е з о в а. Интернет-индустрия Латинской Америки. — Латинская Америка, 2011, № 3, с. 23—38.

¹⁴ См.: Estados Unidos Mexicanos. Visión 2030: El México que queremos. México, 2007; Sustainable Brazil. Horizons of Industrial Competitiveness. São Paulo, 2009.

¹⁵ Впервые эта концепция была предложена в исследовании: В.М.Д а в и д о в. Латиноамериканская периферия мирового капитализма. М., 1991, с. 68—69, 108—142.

¹⁶ См.: Б.Ф. М а р ты н о в. Бразилия: ядерно-космическая стратегия на пороге XXI века. М., 1992, с. 36—44.

¹⁷ CEPAL. Acelerando la revolución digital: banda ancha para América Latina y el Caribe. Santiago, 2010, p. 6.

¹⁸ ECLAC. The United States and Latin America and the Caribbean: Highlights of Economy and Trade. Santiago de Chile, 2011, p. 7.

¹⁹ В.Л. И н о з е м ц е в. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? — Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. М., 2009, с. 40.

²⁰ UNCTAD, UNDP. Creative Economy. Report 2008. Geneva, 2008, p. 13-14; 2010, p. 7-8; SELA. Industrias Culturales y Creativas: Elementos para un Programa de Cooperación entre los Países de América Latina y el Caribe. Caracas, 2010. — www.sela.org

²¹ В.Л. М а к а р о в, Г.Б. К л е й н е р. Микроэкономика знаний. М., 2007, с. 114.

²² Ciencia y tecnología en el Arco del Pacífico Latinoamericano: espacios para innovar y competir. Sexta Reunión Ministerial del Foro del Arco del Pacífico Latinoamericano. Cusco (Perú), 15 de octubre de 2010, p. 49.

²³ OECD. Boosting Innovation Performance in Brazil. Economics Department Working Paper No. 532. Paris, 2006, p.11.

²⁴ Б.Н. К у з ы к, Ю.В. Я к о в е ц. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т.2. М., 2006, с. 101—103.

²⁵ См., например: CEPAL. Clusters y políticas de articulación productiva en América Latina. C. Ferraro (compil.). Santiago de Chile, 2010, p. 13-38.

²⁶ CEPAL. La transformación productiva con equidad 20 años después: Viejos problemas, nuevos oportunidades. Trigésimo segundo período de sesiones, Santo Domingo (RD), 9 a 12 de junio de 2008. — Santiago de Chile, 2008, p. 149-169, 317-328.

²⁷ О необходимости обновления неолиберальной стратегии и перехода ко «второму поколению реформ» недвусмысленно говорилось в докладе ЭКЛА 2000 г. — См.: CEPAL. Equidad, desarrollo y ciudadanía. Vigesimooctavo período de sesiones, México, 3 al 7 de abril de 2000. — Santiago de Chile, 2000.

²⁸ Las TIC para el crecimiento y la igualdad: renovando las estrategias de la sociedad de la información. Tercera Conferencia Ministerial sobre la Sociedad de la Información de América Latina y el Caribe. Lima, 21 a 23 de noviembre de 2010, p. 7-9.